

История социологии

© 2025 г.

П.П. ВЕЛИКИЙ, А.А. ВЯЛЬШИНА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АГРАРНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник (iagpran@mail.ru); ВЯЛЬШИНА Анна Александровна – кандидат социологических наук, заведующая (anvya@mail.ru). Все – Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем РАН, Саратов, Россия.

Аннотация. Представлен анализ исследований ученых-аграрников, в первую очередь социологов, о состоянии социального жизненного пространства деревни последнего десятилетия. Рассматриваются тенденции саморазвития российской деревни и участия отечественных социологов страны в их осмыслиении. Основной идеей аналитического обзора развития агросферы является признание необходимости отслеживать взаимосвязи различных сфер (в частности, анализировать социальное через экономику, а экономику через социальное). В современной российской деревне сохраняются разрывы: главные участники создания агропродукта (работники квалифицированного физического труда) не включены в соработничество с менеджментом агробизнеса по творческому освоению новаций и не обладают партисипативными функциями. Возможности восходящих лифтов (карьерного роста) для них практически отсутствуют. Авторами дан анализ новаторских концепций, методологических и методических подходов исследователей из основных социологических центров страны. Предложен авторский взгляд на то, с какой полнотой социологической мыслью охвачены и объяснены объективные противоречия модернизации хозяйственно-экономических и социокультурных связей и отношений в жизни российской деревни начала XXI в., а также путей ее выхода на траекторию движения к новому уровню развития.

Ключевые слова: аграрная социология • жизненное пространство • хозяйствен-
ные уклады

DOI: 10.31857/S0132162525010068

Прошло 30 лет жизни российского села/деревни в режиме возможностей и ограничений пореформенного периода (после либеральных реформ конца ХХ в.). Судьба существования деревни как специфического расселения людей и места создания агропродукта обсуждается во всех слоях современного российского общества. Переселившись в город сельчане, посещая заросшие бурьяном дворы, брошенные дома и могилы предков, скрывают о прошлой колхозной реальности, воспринимаемой ретроспективно как «потерянный рай». Пессимистически оценивают будущее деревни и многие учёные – эконом-географы, социологи и психологи. В то же время есть те, кто признает неизбежность исчезновения отдаленной глубинки, считает перспективным сосредоточение

сельских поселений только в зоне влияния городов, в их ближайшей и средней периферии. Именно такое расселение присуще многим странам, где огромные площади остаются незаселенными, невозделанными и нетронутыми аграрными технологиями. Тем не менее на ближайшую перспективу считается наиболее актуальным максимально возможное замедление «негативных явлений» в сельской местности, сохранение того, что еще содержит резервы жизнестойкости. Именно с этих позиций следует определять востребованность исследований аграрной социологии.

Социологические наблюдения показывают, что весь постсоветский период экономические аспекты сельских реалий занимали главное место в публикациях и на разных дискурсивных площадках. Это функционально отвечает предназначению аграрного сектора. Однако экономические успехи нередко достигаются за счет перенапряжения человеческих ресурсов, так что многие стороны жизнеустройства российских сельчан-работников содержат противоречия. Рассмотрим эти вопросы.

Социально-экономическая динамика аграрного сектора. Эксперты отмечают признаки деформации демографической структуры сельского населения России: за 2000–2022 гг. его численность уменьшилась на почти 2,8 млн (на 7,1%), при этом удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста в структуре сельского населения сократился на 3,3 п.п. (с 23,0% в 2000 г. до 19,7% в 2022 г.), доля лиц в трудоспособном возрасте выросла благодаря пенсионной реформе на 0,9% (с 54,2 до 55,1% соответственно), а лиц старше трудоспособного возраста – на 2,3 п.п. (с 22,9 до 25,2%). Исследователи говорят о «демографическом старении сельских территорий России», главными причинами которого являются спад рождаемости, миграция молодого населения в города для получения профессионального образования и поиска работы, а также рост продолжительности жизни [Блинова, 2021].

Весь постсоветский период уровень доходов сельского населения оставался более низким по сравнению с городом, при этом 1/5 сельских жителей России стабильно относится к категории бедных (с доходами ниже величины прожиточного минимума – 20,0% на селе при 11,2% в городе) [Серова и др., 2021]. На селе почти вдвое выше уровень безработицы по сравнению с городом (8,0 и 4,3% соответственно), однако даже наличие оплачиваемой занятости не гарантирует высоких доходов – около 16,6% работающих сельчан относятся к бедным [Ушачев и др., 2021]. Среднемесячная номинальная заработка в сельском хозяйстве, несмотря на рост с 2010 по 2022 гг. (с 10 668 до 46 777 рублей), в 2022 г. составляла лишь 60–65% средней по экономике, а среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств, несмотря на дополнительный труд в личном подсобном хозяйстве, – 63,8% от городского уровня.

Исследователи разной специализации говорят о специфической социально-экономической ситуации на селе в связи с деятельностью сверхкрупных хозяйственных структур (агрохолдингов). В ходе аграрной реформы из-за отсутствия средств для перехода на новую парадигму развития к началу 2000-х гг. у бывших колхозников осталось только 26,5% уставного капитала сельскохозяйственных организаций [Узун, 2004]. В их массовом сознании распространилась идея «продать» свое хозяйство успешной компании или предпринимателю, что сельчане массово и делали, положив начало формированию аграрных холдингов в России [Калугина, Фадеева, 2009: 115]. В постсоветский период сформировались представления, что существенные результаты в АПК более всего зависят от эффективного функционирования крупных корпораций. Действительно, в 200 крупных аграрных холдингах, составляющих менее 1% от всех сельхозорганизаций, производится основная часть сельхозпродукции страны. В то же время существенных позитивных перемен в положении мелкого и среднего предпринимательства (включая ЛПХ) не произошло. Эксперты отмечают, что за период между сельхозпереписями 2006 и 2016 гг. в хозяйствах населения производство картофеля уменьшилось на 28,4%, овощей – на 6,0%, скота и птицы в убойном весе – на 19,2%, молока – на 18,0%; в последующие годы спад еще усилился [Башмачников и др., 2022]. Общее число ЛПХ

и других индивидуальных хозяйств граждан, производящих сельскохозяйственную продукцию, уменьшилось за 2006–2016 гг. на 7,5%.

В России исторически сложилась особенная структура аграрного производства, не имеющая аналогов в развитых странах мира, когда сохраняется огромное число мелких хозяйств. Кроме малых и микроорганизаций действуют еще и мельчайшие хозяйства населения, на долю которых в 2022 г. все еще приходилось 24,1% всей произведенной продукции [Шагайда, Узун, 2018]. Отчетливо проявляется тренд увеличения удельного веса сельхозорганизаций и фермерских хозяйств в структуре произведенной продукции за счет сокращения хозяйств населения. Доля первых выросла с 54,0% в 2015 г. до 60,1% в 2021 г., а удельный вес фермерских хозяйств – с 11,5 до 15,8% соответственно.

В первых аналитических работах подчеркивались преимущества вертикальных интегрированных структур в агропродовольственном комплексе России: повысился технологический уровень производства, реализовались эффект масштаба и другие факторы повышения эффективности сельского хозяйства. Однако, как это нередко случается, между убедительной доктриной и реальным воплощением ее положений в жизнь возникают заряды. Взаимодействие таких структур, как агрохолдинги, с местным населением складывается далеко не гармонично, доходя до самоуправства сильного в отношении слабого. Исследователи отмечают, например, что руководство свиноводческих и птицеводческих комплексов, ссылаясь на требования ветеринарно-санитарного контроля, запрещают своим работникам содержание в личных подворьях свиней или птицы. Именно по этой причине произошло сокращение поголовья свиней (от 40 до 60%) и птицы (от 25 до 50%) в ЛПХ в сибирских регионах с процветающими агропредприятиями по производству свинины и мяса птицы (Новосибирская, Томская, Омская, Кемеровская, Иркутская области и Алтайский край) [Щетинина и др., 2019: 157]. Владельцы и руководство крупных животноводческих комплексов и зерновых хозяйств не приветствуют наличие ЛПХ у сотрудников из-за отрицательного, по их мнению, влияния собственного хозяйства на результаты труда на основном рабочем месте. При этом «...пресекаются любые попытки использовать ресурсы предприятий для нужд семейных хозяйств, налажена эффективная система охраны, препятствующая хищениям и несанкционированному использованию техники, не производится выдача кормов и молодняка в счет заработной платы или арендных выплат за земельные доли» [там же: 156]. Обнаружились изъяны и в управленических моделях: менеджеры, ориентируясь на прибыль, получают выгоду лишь для себя и акционеров в ущерб устойчивости. Слаб менеджмент агрохолдингов и в понимании специфики агродела, перенося на него подходы, характерные для индустриального производства.

Главными последствиями холдингизации аграрного сектора России стало сокращение хозяйственно-экономического пространства для массовых слоев сельского населения. Фермеры и местное население испытывают чувства неопределенности и тревоги из-за возрастания экологических угроз, возможного захвата земель фермеров и земельных долей граждан, неравного доступа к кредитам и субсидиям. Концентрация земель и внедрение технологических инноваций увеличивают без того высокую сельскую безработицу, способствуя формированию «класса безземельных безработных селян без альтернативных возможностей трудоустройства» [Гатаулина и др., 2022: 294]. Акцент модернизации на преимущества сверхкрупных хозяйственных организаций обогнал возможности социального мира деревни и даже расстроил его.

Модернизация в деревне отличается масштабами распространения новых образцов техники и оборудования сельскохозяйственного назначения и оснащения быта семей. Новая сельскохозяйственная техника и оборудование доступны в основном крупным фермерам, в меньшей степени средним. Мелкие фермеры в подавляющем числе пользуются старой техникой, включая изделия советского времени. Высокий удельный вес старой сельскохозяйственной техники и личных автомобилей обуславливает специфику стиля жизни рядовых семей и мелких фермеров. С одной стороны, частые поломки

сбивают ритм мобильности, с другой – как ни парадоксально это звучит, поддерживают техническую компетенцию ее владельцев, поскольку ремонт зачастую выполняется самостоятельно.

Аграрные предприятия функционально неустойчивы: КФХ (крестьянские (фермерские) хозяйства) и ИП (индивидуальные предприниматели) – наиболее распространенные организационно-правовые формы фермерского уклада – нередко «гибнут», просуществовав несколько лет. Это объясняется изменением экономической ситуации, отсутствием в АПК ротации кадров фермерства. Мелкие фермерские хозяйства закрываются, их земли переходят к средним и крупным фермерам. Эта линия развития АПК обуславливает еще больший разрыв между целями агропроизводства и сохранения мест занятости трудоспособного сельского населения.

Занятость большого числа сельских жителей переместилась от труда в сельском хозяйстве в отрасли строительства, бытового обслуживания, неаграрного трудового отходничества. В среднем по России среди населения, участнившего в маятниковых трудовых перемещениях, доля сельского населения составляет 69%, она остается стабильно высокой вне зависимости от периодичности перемещения. Исследователи отмечают, что удельный вес сельского населения в маятниковой трудовой миграции, рассчитываемой как перемещения каждый день и несколько раз в неделю, составляет от 54,5% в ЦФО и 59,5% в СЗФО до 84,2% в ПФО и 85,9% в СКФО [Соколова, Калачикова, 2023].

Занятость аграрным трудом отличается высоким уровнем профессиональной заболеваемости. Сельское хозяйство по этому показателю находится на четвертом месте после отраслей добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и транспорта. Наибольшее количество профессиональных заболеваний здесь приобретаются под воздействием физических перегрузок, обусловленных тяжестью труда (37,2%), а также из-за физического (вибраакустического) фактора (26,8%) и контакта с инфекционным агентом (14,6%). Профессиональные заболевания, связанные с комплексным воздействием биологических факторов и химических токсикантов, диагностируются в 7,5–9,2% случаев [Данилов, Безрукова и др., 2019]. В значительной мере это обусловлено эксплуатацией морально и физически изношенной техники старых образцов. Но и на новой отечественной и импортной технике с эргономичными рабочими местами вредным фактором тяжести труда остается длительное (в период срочных сезонных работ – до 12–14 часов) поддержание однообразной рабочей позы без возможности ее смены. У трактористов-машинистов сельхозпроизводства чаще всего развиваются радикулопатия пояснично-крестцового отдела позвоночника и тугоухость. В животноводстве, по данным специальных исследований, распространенность профессионального бруцеллеза в первичной профзаболеваемости работающего сельского населения не претерпела статистически значимых изменений за 2010–2017 гг. и находится в пределах 10,3–17,1% в зависимости от региона [Безрукова и др., 2020].

Социальная реальность села в аграрной социологии. Разрушительные кардинальные изменения в жизни деревни и состоянии АПК (как говорили на начальном этапе аграрной реформы, «село брошено государством на произвол судьбы») носили для аграрной социологии как негативные, так и позитивные последствия. Негативные заключаются в схожей ситуации с такой «брошенной» деревней у институтов РАН и социологических факультетов вузов, которые лишились финансирования, так что ученым платили мизерные зарплаты, командировки в села прекратились. Позитивную перспективу социологи-аграрники связывали с ожидаемым раскрытием творческого потенциала сельских жителей – постколхозников, которые, как предполагалось, наконец-то освобождались от гнетущего административно-командного управления сельским хозяйством. Поэтому в силу материальных и организационных препятствий первые эмпирические исследования сельских реалий носили эпизодический и разовый характер. Например, П.П. Великий и Ю.М. Плюснин исследовали усиление неземледельческого отходничества трудоспособных жителей села и малых городов [Великий, 2010; Плюснин, 2022],

А.М. Сергиенко – бедность сельских жителей и их миграционные настроения [Бедность сельской России, 2014; Миграция сельской молодежи, 2019], О.Б. Божков – процессы становления формальных и неформальных хозяйственных организаций [Божков, 2017].

По завершению начального этапа реформ стала очевидной потребность рассматривать аграрные проблемы в комплексе. Это было вызвано не только тем, что требовалось выделить ведущие связи и отношения, которые определяли (не)устойчивость структуры АПК и жизнеустройства деревни. Исследователям села хотелось поскорее обнаружить ожидаемые перемены.

Современное село – это сформированное временем образование, в котором созданы и взаимодействуют демографические, производственно-экономические процессы вместе с природно-географическими условиями и внешними воздействиями разных коллективных и индивидуальных акторов. Сложная совокупность элементов, связей и отношений составляет комплексность объекта, обеспечивающая реализацию его функционального предназначения. Комплексность может возрастать и убывать, но она неизменно присутствует в малых и больших общностях; может переходить на более низкий уровень, однако совсем не исчезает. Значимость сопряженности элементов социальной среды в российской деревне хотя и обсуждается, но в публичных дискурсах преобладают примитивные объяснения сложных процессов. Так, неудовлетворенность сельского населения своим положением неизменно ведет к поведению по схеме «плохие бытовые условия – люди мигрируют в города». Но это непросто совершить подавляющему числу сельских семей, не имеющих возможности откладывать деньги из-за небольших доходов. Поэтому многие из них предпочитают жизнь в деревне, выезжая на длительные сроки на работу на энергетические предприятия Севера или развивая подворье до уровня, нередко превышающего заработки тех, кто ограничивается работой в акционерных и фермерских образованиях АПК [Хозяйствование сельской семьи, 2020].

Идея комплексности изучения объекта наиболее полно решена в исследованиях социологов Российского государственного гуманитарного университета под руководством Ж.Т. Тоценко с привлечением ученых из других университетов и академических институтов (Р.И. Анисимов, Т.Г. Евдокимова, И.В. Воробьева и др.). Большую роль в изучении объекта под углом зрения комплексности играет широкий масштаб эмпирических исследований. Речь идет о проведенных в 2014–2015 гг. проектах «Жизненный мир россиян»¹ и «Сельская жизнь»². Теоретико-методологической основой анализа являлась концепция социологии жизни, которая исходным (базовым) понятием считает «жизненный мир» людей, где структурными компонентами выступают общественное сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Именно с этих позиций были изучены проблемы социально-экономической трансформации смысла жизненного мира российских крестьян, выявлены особенности материальных и духовных смысложизненных ориентиров. Такой подход позволял раскрыть палитру общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей, в том числе и проживающих в сельской местности. Особое внимание было уделено обоснованию применения в социологических исследованиях такого понятия, как «смысл жизни», трактующейся как цели-принципы, которыми осознанно или стихийно руководствуется человек в своей повседневной жизни. Исходя из этих теоретико-методологических оснований, жизненный мир сельских жителей раскрывался через его главные смыслы, находящие отражение в основных ценностных ориентациях и соответствующей мотивации, – остаться на селе, переехать из села в город или найти компромисс (жить на селе, а работать и/или отдыхать в городе). Они замыкаются на обобщающий смысл – стремление к социальной справедливости, которая касается

¹ По данному проекту общероссийский опрос проведен 25–30 октября 2014 г.: опрошено 1750 респондентов в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу.

² По этому проекту опрос был проведен в августе 2015 г., он охватил 22 области, края и республики (71 село, 1000 респондентов).

специфики жизни сельчан как граждан (уровень общества), как жителей (уровень поселения) и как индивидов (уровень непосредственно окружения).

В этих проектах особое внимание было уделено проблеме воспроизведения сельского населения, жизненным целям молодежи села, исходя из предпосылки, что жизненные смыслы, выражавшиеся через практики молодых сельчан, предполагают выявление устойчивых и изменяющихся форм деятельности (поведения). Установлено, что жизненные смыслы 35,2% опрошенной сельской молодежи включают желание остаться работать на земле по причине привязанности: «привык», «здесь моя родина, здесь живут мои родные и близкие», а также из-за наличия собственного бизнеса [Смыслы сельской жизни, 2016: 233]. Кроме того, неуверенность в том, что они смогут найти работу в городе, и материальные трудности на новом месте жительства определяли жизнеустройство на селе около 9,4 и 8,2% опрошенной молодежи соответственно. Результаты опросов показывали, что из тех, кто не планирует уезжать из села, 50% работают по найму официально, по трудовому договору. Место работы большинства тех, кто хочет остаться на селе, находится в том же населенном пункте, где они и живут. Основными источниками дохода у всей молодежи являются заработная плата (76,1%), помощь родственников и друзей (29,1%), а также подработка и совместительство (21,5%) – в основном среди учащихся и студентов. Компромиссность жизненных смыслов, включающих жизнь в селе с работой в городе, особенно распространена в деревнях и селах, близко расположенных к большим городам.

Таким образом, эвристическая перспектива комплексного анализа связана с изучением как основных смыслов сельской жизни (работа, материальное благополучие, культура, политика, межличностные отношения), так и институциональных (семья, образование, здоровье). Она предполагает охват изучаемого жизненного мира во всем его многообразии, в тесном переплетении экономических, социальных, политических и духовно-культурных реалий и повседневных практик. Этот подход к реалиям села позволяет получить наиболее полную картину повседневности сельских жителей [Повседневность российского села, 2020].

Широкий масштаб социологического изучения российского села характерен также для работ исследователей из Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). Так, работы Н.Е. Покровского посвящены современным формам урбанизации, субурбанизации и дезурбанизации. Он отмечал, с одной стороны, «астадиальность» процессов урбанизации и дезурбанизации в России по сравнению с аналогичными процессами в других странах, а с другой – поляризацию социально-экономического пространства, породившие два мощных противоположных потока (центробежную сезонную дачную дезурбанизацию и центро-стремительную трудовую миграцию российских граждан из сельской местности и небольших городов в крупные городские центры). Особое внимание Н.Е. Покровский уделял комплексности и многогранности рассмотрения феномена урбанизации не только как физического перемещения населения, но и как изменения стиля жизни, ценностных ориентаций, включая дауншифтинг [Нефедова и др., 2015]. На основе своих исследований автор концептуализирует понятие «клеточной глобализации». Кроме того, на примере обратной миграции в условиях пандемии он намечает контуры понятия кризисной эпидемической дезурбационной миграции во внегородские пространства, когда сельская местность рассматривается как территория реализации творческого потенциала, возможности вести альтернативный образ жизни, исповедовать посткапиталистические и постконьюмеристские ценности (экопоселения, родовые поместья, идеологические коммуны) [Покровский и др., 2020]. В этой связи Н.Е. Покровский отмечает заметную модернизацию местных сообществ из-за активного включения горожан в жизнь сельских сообществ, создание новых рабочих мест, совместный диалог с муниципальными властями. Им сделан вывод, что симбиоз сельского и городского образов жизни, традиционной сельской и городской культуры оказывается наиболее значимым с социологической точки зрения результатом длительных социальных мегапроцессов дезурбанизации современного общества.

В.В. Радаев в последние годы известен как исследователь поколений в российском обществе, предложивший их оригинальную классификацию, в которой уделялось особое внимание молодежи, вступившей в период взросления в 2000-е гг. (поколению миллениалов). Особый интерес для аграрной социологии имеет выявление поколенческих особенностей сельской молодежи в сравнении с городской. В.В. Радаев эмпирически показывает, что практики поведения сельских миллениалов по большинству параметров значимо отличаются от практик поведения их городских сверстников, причем векторы различий между ними разнонаправленные. Молодые сельчане «опережают» городских сверстников в отношении сокращения некоторых практик (вступление в брак, выход на рынок труда) или потребления каких-то благ (например, алкоголя, просмотра телевизора). Но если новый тренд проявляется в более широком распространении какого-то блага (образовательных услуг, новых гаджетов, банковских карт, занятий спортом), то здесь сельские жители заметно отстают [Радаев, 2019]. В.В. Радаев выделил признаки сближения (конвергенции) между городом и селом с размыванием границ между ними. Он сделал вывод, что на селе скорее происходит параллельный рост новых практик поведения, но разрыв между двумя типами сообществ по большинству параметров все же сохраняется, в том числе внутри нового поколения миллениалов, оставляя открытый вопрос о единении (внутреннем единстве) данного поколения молодежи.

Схожие выводы делали вологодские социологи (А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, М.А. Груздева), представляя эмпирические доказательства нивелирования социокультурных различий между городской и сельской молодежью на основе сходства их территориальной идентичности, культурно-досуговых практик и форм гражданской активности, желательной формы партнерских (брачных) отношений [Шабунова, Калачикова, 2022]. Они отмечали, что при схожести взглядов на семью и брак молодые сельчане больше «семейно ориентированы», при определенных условиях больше готовы к многодетности и отзывчивы на меры поддержки, в то время как у горожан ярче выражена территориальная идентичность. Исследователи полагают, что дальнейшее развитие цифровизации, удаленных форм образования и занятости, расширение возможностей получения государственных и иных услуг будут способствовать закреплению молодежи на селе и сокращению социокультурных разрывов между городом и селом.

Одним из ключевых центров аграрной социологии в России продолжает оставаться Новосибирская экономико-социологическая школа. В последние годы ее представители занимаются изучением новых социальных феноменов и процессов в сельских сообществах. Новосибирские исследователи в числе первых провели анализ особенностей формирования аграрного сектора России в 1990–2000-х гг., оценили экономические результаты и социальные последствия рыночной трансформации аграрного сектора России (см., напр., [Калугина, 2015]). В 2019 г. ими осуществлен анализ теоретических, методических и практических подходов к исследованию проблем продовольственной безопасности на международном, национальном и региональном уровнях [Щетинина и др., 2019].

Особое внимание новосибирские социологи уделяют процессам становления новых хозяйственных практик и соответствующих им устойчивых форм организации сельской жизни, на основе которых ими разработана социологическая концепция сельских хозяйственных укладов. Так, О.П. Фадеева, анализируя процесс становления и развития многоукладных хозяйственных систем в разных регионах России, сделала вывод, что многообразие реальных практик и механизмов согласования интересов субъектов хозяйствования, относящихся к разным укладам, способствует формированию и укоренению институтов самоорганизации и самоуправления в сельских сообществах [Фадеева, 2015]. На основе анализа участия крупных предприятий (крупхозов) в жизнеобеспечении и развитии сельских поселений сделан вывод о многообразии видов их взаимодействий (не только рыночных, но и реципрокных, патрон-клиентских) с локальным сообществом, способствующих инициации самоорганизации сельского социума и выполнению функции института развития [Фадеева, Нефедкин, 2018]. При анализе коммуникационных

инноваций новосибирскими социологами отмечены риски цифровизации сельского хозяйства, связанные с навязыванием землепользователям определенных действий (например, способов ведения бизнеса в рамках «умной специализации») или требованиями подробного геолокационного указания структуры всех своих посевов [Фадеева, Нефедкин, 2020].

Широкий круг аграрных проблем рассматривают также краснодарские социологи под руководством А.А. Хагурова. Они реализуют интегрированный социо-экологический подход к развитию агропромышленного комплекса и сельских территорий, доказывая, что устойчивое развитие сельских территорий возможно только за счет устойчивой социальной и экономической структуры сельского населения и расширенного воспроизводства человеческого капитала села [Стратегические проблемы..., 2019]. Ими сделан вывод о рассогласованности и дисбалансе между экономикой и социальной сферой села, о сохраняющемся расслоении сельского сообщества, о консервации бедности и отсутствии внутренних ресурсов для развития. Краснодарские исследователи ставят вопрос о необходимости переформатирования аграрной политики в контексте устойчивого развития сельских территорий – комплексно, дифференцированно и человекосоразмерно [Хагуров и др., 2020].

Социологи Республики Татарстан разработали методологию исследования ресурсного потенциала модернизации села, основанную на сочетании системно-структурного, ресурсного и деятельностного подходов. Это позволяет расширить поле инструментов эмпирических исследований, индикаторов комплексного социологического исследования ресурсного потенциала модернизации села, выявить специфические характеристики основных акторов модернизационных процессов (здравое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креативность жителей села) [Ильдарханова, 2017]. Соучастие в ведении фермерского хозяйства всей семьи – от детей до представителей самого старшего поколения – на примере своего опыта детально и с серьезными экзистенциальными отступлениями описала Т.А. Жукова [2020].

Коллектив авторов под руководством А.М. Сергиенко осуществил масштабное исследование миграции сельской молодежи Алтайского края. На основе результатов анализа демографических и миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х гг. показаны особенности динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи, ее социального положения и активности, выявлены территориальные очаги напряженности [Миграция сельской молодежи, 2019]. Особое внимание удалено образованию, занятости и другим драйверам миграции и реэмиграции сельской молодежи с точки зрения улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции из региона. Ими также проанализированы проблемы сельской бедности в регионах аграрной специализации на примере Алтайского края и Республики Алтай. Исследователи акцентируют внимание на сходстве проблем доступности для бедных сельчан рабочих мест, различных социальных услуг, нарушений прав на сельском рынке труда и других лишений для всех сельских территорий России [Бедность сельской России, 2014].

Оценка качества жизни сельского населения с учетом региональной дифференциации разработана В.Л. Шабановым, который представил интегральный индикатор качества жизни. Им показан рост уязвимости перед бедностью домохозяйств с детьми, особенно многодетных, и сделан вывод, что снижение благосостояния до уровня ниже границы бедности характеризуется значительным изменением образа жизни, трансформацией структуры бюджета времени. Это чревато быстрым привыканием к таким изменениям и исчезновением энергии преодолевать трудности [Шабанов, 2024; 2023; 2023а].

Аналогичные проблемы рассматривались и социологами Татарстана. Так, в работе Ч.И. Ильдархановой и А.В. Шадрикова особое внимание уделялось оценке возможностей и перспектив сельской молодежи с точки зрения конструирования их жизненных траекторий в регионе проживания. Ими проанализированы социально-демографические, профессионально-трудовые, материальные, инфраструктурно-потребительские, рекреационно-образовательные интересы сельской молодежи, а также выявлены

социальные факторы, влияющие на закрепление молодых людей в селе [Ильдарханова, Шадриков, 2018]. Авторы акцентировали внимание на таких индикаторах территориальных интересов сельской молодежи, как возрастные особенности динамики ее миграционных намерений, место семьи и детей в системе смысложизненных ценностей, конфликт профессионально-трудовых интересов молодежи на селе, высшее образование сельской молодежи как драйвер устойчивости села, патриотическое воспитание молодежи.

Новые социоструктурные границы внутри сельских сообществ. В 1990-е гг. сложились новаторские формы жизнедеятельности сельчан – фермерство и самозанятость на базе ЛПХ, ориентированные на частное предпринимательство. Другие социохозяйственные уклады, опирающиеся на колlettivистский потенциал (артели, колхозы, кооперативы), в постсоветской России мало распространены. Пребывание в течение тридцатилетнего пореформенного периода в относительно неизменном жизнеустройстве (по статусным характеристикам, возможностям мобильности, размерам оплаты труда) обусловило формирование в российском селе социоструктурных групп, адаптировавшихся к своему положению и зачастую осознающих неравенство и даже ущербность своего положения среди других групп, но не обладающих чувством самоидентификации и не имеющих структурированных представлений о своем будущем. Подобная ситуация связана, прежде всего, с неравной доступностью мест трудовой занятости для членов сельских сообществ, чему уделяют значительное внимание ученые, включая аграрных социологов. Здесь складывается актуальное поле для поиска причин непреходящих состояний и архаичных практик поведения, воспроизводящихся на основе личного выбора жителей. Многие из них хотя и допустимы, но мало способствуют стабильности сельской реальности. Речь идет о неаграрном отходничестве, а в последние годы – и о постоянном трудоустройстве сельчан на промпредприятиях городов. Такие действия доступны не всем, чаще – наиболее активным людям в трудоспособном возрасте.

Это направление исследований активно реализуется в Институте аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН (г. Саратов) на основе многолетнего мониторинга смысложизненных ценностей и перспектив жизнеустройства всех групп сельского населения (см., например, [Хозяйствование сельской семьи, 2020]). Коллективом института (Т.В. Блинова, Е.В. Бочарова, П.П. Великий, А.А. Вяльшина, С.Т. Дакирова), прежде всего, выявлено распределение сельских жителей в местах занятости по социально-демографическим признакам.

Согласно результатам организованного институтом исследования, проведенного в 2023 г. в Саратовской области ($N = 1215$), социальная группа наемных работников сельского хозяйства, официально занятых в отрасли, на 60,3% состоит из мужчин, около 45,7% из них в возрасте 31–45 лет. Только 13,8% из них имеют высшее образование, еще 38,6% – среднее профессиональное, 20,9% – начальное профессиональное, остальные 26,8% профессии не имеют, у них только среднее общее образование и ниже. По уровню среднедушевых денежных доходов в этой группе наблюдается поляризация: около трети относятся к бедным (32,4%), в то время как 18,6% можно отнести к высокодоходным по меркам современного села (более двух прожиточных минимумов на члена семьи). При этом лишь 8,5% работников сельского хозяйства указали, что живут, согласно своей субъективной оценке, материально комфортно, а около 26,5% – что живут трудно.

Социальная группа сельских предпринимателей на 71,4% представлена мужчинами, 84,4% имеют высокий уровень образования (51,9% высшее и 32,5% среднее профессиональное). Среди этих предпринимателей 51,3% находятся в возрасте 46–60 лет и 9,2% старше 60 лет, молодежи до 30 лет всего 3,9%. Данная группа является самой успешной группой на селе, демонстрирует хорошее социальное самочувствие, максимальные показатели удовлетворенности различными аспектами своей жизни и низкий уровень тревожности.

Работники бюджетной сферы в большинстве своем представлены женщинами (73,2%), около 83,6% из них имеют высокий уровень образования (43,3% высшее и 40,3% среднее профессиональное), более половины представлены предпенсионными и пенсионными возрастными группами (48,6% в возрасте 46–60 лет и 7,3% старше 60 лет).

Материальное положение данной группы немного выше среднего. В их составе низкая доля малоимущих по сравнению с другими группами (27,9% при средней 36,6%), около 9,6% имеют высокие среднедушевые доходы (более 29 тыс. руб.).

Группа неформально занятых сельских жителей представлена двумя подгруппами: во-первых, в основном это женщины-домохозяйки, занятые ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и уходом за другими членами семьи; во-вторых, лица, ведущие подсобное хозяйство на продажу, а также имеющие нерегулярные подработки и т.п. Представители группы занятых товарным ЛПХ значительную часть продукции продают, что обеспечивает им относительно регулярный доход. Но и в их составе около 42,1% являются малоимущими (при 36,6% среди сельчан в целом), еще 32,7% имеют среднедушевые денежные доходы от одного до полутора величин прожиточного минимума на момент опроса. Главное их отличие от других групп – отсутствие официального трудоустройства и, соответственно, социальных гарантий и выплат.

Группа домохозяек на 88,8% состоит из женщин с высоким уровнем образования (20,6% высшее и 42,3% среднее профессиональное), 69,4% из них в возрасте до 45 лет. Около 33,7% из них имеют одного несовершеннолетнего ребенка, 24,5% – двоих детей, 13,3% – троих и более детей; остальные 28,6% не имеют несовершеннолетних детей. В их составе максимальна доля малоимущих (59,4% при средней 36,6% среди сельчан), что во многом обусловлено, с одной стороны, отсутствием у них оплачиваемой занятости, а с другой – наличием малолетних детей (высокая иждивенческая нагрузка).

Группа неработающих лиц представлена сельчанами, не имеющими работы и не стремящимися ее получить, а также теми, кто хотел бы трудоустроиться, но не имеет возможности. В структуре этой группы высока доля молодежи до 30 лет – 18,8% (при средней по выборке 8,4%), мужчин и женщин приблизительно поровну (51,2% и 48,8% соответственно), невысока доля лиц с высоким уровнем образования (18,6% с высшим и 24,4% со средним профессиональным), около 31,4% не имеют профессии.

В составе сельских пенсионеров около 73,2% – женщины, 84,3% – лица старше 60 лет, 54,1% имеют высокий уровень образования, 27,8% не имеют профессии. Среди них высок удельный вес малоимущих (48,5%), еще 37,8% имеют низкие среднедушевые денежные доходы (от 15 до 21,5 тыс. руб.). Только 58,6% пенсионеров указали, что материально справляются с текущими расходами, а около 31,3% – что живут трудно (при среднем показателе среди сельчан – 24,9%).

В качестве отдельной, обладающей нетипичными для села «симбиозными» чертами следует выделить группу молодежи до 35 лет. Наблюдение за этой группой выявило немало фактов того, что она только по рождению и формальной регистрации в муниципальных органах числится сельской, реально существуя в континууме полюсов «село-город», каждый из которых притягивает их своими благами и ценностями. Село – это родители, малая родина; город – разнообразие способов получения профессий, выбора рабочих мест, наличие инфраструктуры жизнеобеспечения. Село ближе и роднее для них, но перспектив их трудоустройства в современной хозяйственной структуре АПК практически нет. Создается впечатление, что сельская молодежь попала в поток исторического времени, когда стиль жизни городских ее сверстников уже не является образцом поведения и ориентиром достижения жизненных целей. Она сознает, что все актуальные жизненные цели городской молодежи доступны и ей, если их реализовать в условиях не села, а города. Однако реализовать себя на уровне городских сверстников ей в полной мере не удается. В результате профессиональная подготовка и опыт работы (как правило, не по специальности) препятствуют ее адаптации к городу. Но если она возвращается в свое село, то и там узкий круг специальностей оказывается ей недоступным. Это еще одна черта драмы модернизации аграрного производства и структуры АПК, выразившаяся в игнорировании человеческого измерения новаций.

Особую актуальность приобретает проблема воспроизведения сельских жителей. На выбор жизненных планов молодежи, вступающей на самостоятельный путь, влияют

как материальные, так и нематериальные факторы. Установлено, что сельские жители, укорененные в сельский образ жизни и занятые аграрным производством, чаще остальных ориентируют своих детей на работу в мелкотоварном сельскохозяйственном производстве и проживание в сельской местности [Вяльшина, 2016; 2022]. На материалах опроса выпускников сельских школ саратовскими социологами были выделены группы по их образовательным ориентациям (получение среднего профессионального и начального профессионального образования; получение высшего образования (бакалавриат); ориентированные на обучение в магистратуре и получение послевузовского образования), выявлены факторы их формирования в зависимости от ближайшего окружения и особенностей личности [Вяльшина, Дакирова, 2019].

Мы не можем выделить какой-либо общий критерий разграничения социальных групп, поскольку социальное положение определяется порой разными и совершенно несхожими факторами. Рассмотрение реальных подгрупп внутри сельского социума показывает, что признаки каждой группы отличаются от признаков других групп. Каждая из выделенных групп определяется в социоструктурном смысле специфической комбинацией признаков [Шкаратаан, Ястребов, 2007: 106]. Но в сельской реальности другая ситуация.

Работник сельскохозяйственной организации и его коллега, прекративший трудовые отношения и ставший хозяином товарного ЛПХ, хотя и выполняют схожие трудовые операции, но являются представителями разных социальных групп. Первый – это наемный работник-исполнитель, почти полностью лишенный права участия в распределении доходов предприятия, влияния на принимаемые решения, самостоятельного внедрения инноваций в трудовые процессы и т.д. Второй – в значительной степени хозяин своего положения, его хозяйственно-экономические функции близки к фермерам. В то же время другие их признаки (например, по наличию и составу имущества, имеющимся ресурсам, доступности благ) могут быть схожими, слабо дифференцированными и не иметь значимого веса при идентификации социальных групп. Почти не изменившееся в постсоветское время положение работников сельскохозяйственных организаций характеризуется тем, что у них нет восходящих лифтов. У неработающих женщин – домохозяек – сохраняется полная зависимость от главного кормильца, который является или отходником (трудовым мигрантом), или рядовым работником в крупхозе или у фермера. Положение сельской интеллигенции базируется на высоких (по сельским меркам) доходах, престижном месте профессиональной деятельности. Ее представители – учителя, воспитатели детского сада, работники культуры, ФАПов, администрации сельского поселения – имеют зарплаты в пределах 1–1,5 величин прожиточного минимума.

Таким образом, социальное положение группы, в которую попадает тот или иной индивид, базируется на каком-либо доминирующем признаком, значимом только для нее. Для пенсионеров это возраст, для женщин-домохозяек – привязанность к предопределенным обязанностям по воспитанию детей и поддержанию домашнего хозяйства. По достижению детьми возраста самостоятельности и переезда в город для продолжения обучения женщины, устраиваясь на постоянную или временную работу, перемещаются в другую социоструктурную группу. Для работников сельхозорганизаций ведущим признаком устойчивости статуса остается сохранение рабочего места как основного источника поступления ресурсов семьи. Эта же предпосылка характерна для разных категорий работников умственного труда. Перспектива изменения социального статуса есть и у безработных мужчин, если они изменили свою жизненную позицию и нашли занятость в городах, хотя неустойчивость их позиции по-прежнему может их вернуть в прежнее положение.

Есть ли будущее у российского села? Подведем промежуточные итоги нашего обзора онтологии и гносеологии российского села постсоветской эпохи. Прошло более 30 лет с тех пор, как деревня функционирует в новом режиме. Является ли сельское жизненное пространство уже настолько упорядоченным, что таким останется если не навечно, то надолго?

Пока все функционирует по схеме, закрепившейся на старте аграрной реформы в 1990-е гг. Новаций немного, самой заметной можно считать институт агрохолдингов, который занял не только экономическую позицию, но и социокультурную (к сожалению, в технократическом духе). Поскольку пространством жизнедеятельности сельских жителей становится не одна местная социокультурная инфраструктура, но и включенность в другие институты, интеракции, сети и потоки, необходимо активнее развивать критическую функцию социологии, осмысливать будущее деревни и организационных форм хозяйствования на селе. Общепризнанно, что будущее недопустимо представлять в линейной проекции, следует обратиться к другим методологиям. Не касаясь всех возможных подходов, мы хотели бы обратить внимание на роль паттернов (зарождающихся образов, реалий) будущего в содержании самой современности.

Логика предсказания будущего предполагает рассмотрение паттернов с позиций созидательной и разрушительной их роли. К созидательным относятся совершенствование машин и механизмов, цифровизация агропродовольственного комплекса и урбанизация постоянных мест обитания. Однако эти паттерны в настоящее время не лишены элементов разрушения чего-то важного в жизни отдельных групп сельских жителей. Ранее мы отмечали незавидное положение сельских женщин с детьми, вынужденно безработных. Они и в будущем останутся лишними для производства, где работник заменяется машинами и роботами. Это не может не коснуться и других групп сельского населения, низкие профессиональные компетенции которых даже сегодня не позволяют им участвовать в трудовых процессах. Таким образом, позитивные созидательные паттерны одновременно несут в будущее некоторые разрушительные последствия.

Разрушительные паттерны заданы многими факторами: исторической наследственностью смыслов и привычек, институционально определенными способами включения сельских жителей в принципиально новые социально-экономические отношения и хозяйствование. Наиболее разрушительным и труднопреодолимым паттерном является исчезновение в селах профессиональных механизаторов и отсутствие резерва, из которого можно было бы восполнить кадры этого профиля. Схожая ситуация и с воспроизводством работников животноводства. Разрушительные паттерны созданы и институционализацией прав владения собственностью, которые ограничили и подручность пользования благами природы в местах проживания, и, соответственно, смыслы привлекательности укоренения в деревне. В пореформенные годы леса, водоемы, луга стали менее доступны сельским жителям.

Еще один момент, разрушающий будущее сельских сообществ, живущих в условиях неопределенности и отсутствия альтернатив самоопределения, связан с потерей лица сельского жителя. Сегодня всех, начиная со школьной скамьи, ориентируют на предпринимательство как основное дело жизни. Между тем конкурировать и побеждать в рамках предпринимательства – далеко не универсальная потребность людей. Исторически возникли и ныне институционально закреплены правовыми нормами артели, кооперативы, колхозы и другие формы, формально доступные, но занимающие незначительную долю среди социохозяйственных укладов, хотя в них могли бы найти себе рабочее место люди, склонные жить и работать «в тепле родного коллектива».

Существует много и других скрытых и очевидных уже сегодня предпосылок сокращения жизненного пространства сельского социума. Среди них – упорное стремление молодежи искать счастливую жизнь за пределами села, непривлекательность рабочих мест или их отсутствие в местах их рождения. К сожалению, в массовых коммуникациях проблемы села не актуализированы до такого накала, чтобы сегодня предпринимались на федеральном уровне действия, ориентированные на позитивные перемены в будущем.

Все проблемы села носят социальный облик, аграрным социологам есть что рассказать о них широкой аудитории. Осмысление путей совершенствования функционирования АПК и жизни села – междисциплинарная задача, и здесь важное место занимают также исследования экономистов, географов, историков, психологов, социальных медиков. Но во многих направлениях невольно остаются «белые пятна» в силу либо теоретических

различий, либо методологических особенностей разных дисциплин. Большинство ученых согласны в одном: российское село стоит перед вызовами, актуализирующими необходимость перехода к новой парадигме развития. В рамках существующих ныне управлений под подходов преобладает реагирование на ситуативные вызовы. Как правило, это сводится к ремонту или замене отдельных элементов, поэтому эффект комплексного (интегрального) развития агросфера как системы не достигается. При таком подходе существование села во всем многообразии функций ставится под вопрос, хотя в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации именно аграрный сектор в числе других отраслей назван сферой глобальных конкурентных преимуществ России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башмачников В.Ф. и др.** Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития: монография. Под науч. ред. В.Ф. Башмачникова. М.: ООО «Брейн Принт», 2022.
- Блинова Т.В.** Демографическое старение сельских территорий России // АПК: Экономика, управление. 2021. № 2. С. 76–80. DOI: 10.33305/212-76.
- Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / Под общ. ред. А.М. Сергиенко.** Барнаул: АЗБУКА, 2014.
- Безрукова Г.А., Шалашова М.Л., Спирин В.Ф.** Современные тренды санитарно-эпидемиологической ситуации по заболеваемости профессиональным бруцеллезом // Гигиена и санитария. 2020. № 8. С. 785–791.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.** Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 115–130. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-115-130.
- Великий П.П.** Неоотходничество, или Лишние люди российской деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Великий П.П.** Ограничения и вызовы в жизни начинающих фермеров: взгляд изнутри // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 158–163.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т.** Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. 2020. Т. 28. № 1 (110). С. 159–183.
- Вяльшина А.А.** Сельские малоимущие семьи и их возможности для развития детей // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 124–138.
- Вяльшина А.А.** Занятость в АПК: родительские ориентации и желания сельских детей // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства: Сб. ст. VI Международной научно-практической конференции / Под ред. И.Ф. Сухановой. Саратов: ФГБОУ ВО СГАУ, 2016. С. 60–62.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т.** Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 134–151. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.9
- Гатаулина Е.А., Узун В.Я., Шагайда Н.И., Шишкина Е.А.** Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
- Данилов А.Н., Безрукова Г.А., Новикова Т.А., Шалашова М.Л.** Условия труда и профессиональная заболеваемость работников сельского хозяйства: современные медико-гигиенические аспекты и тенденции. Саратов: Амирлит, 2019.
- Ильдарханова Ч.И.** Модернизация российского села как социокультурный феномен: методологические основы анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения». 2017. Т. 1. Вып. 2. С. 132–140.
- Калугина З.И.** Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Калугина З.И., Фадеева О.П.** Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009.
- Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / Под общ. ред. А.М. Сергиенко.** Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.** Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

- Плюснин Ю.М. Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды производственных практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 3. С. 58–90.
- Повседневность российского села в начале XXI века / Под ред. П.П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2020.
- Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64. DOI 10.31857/S013216250010726-1.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Серова Е.В., Наумов А.С., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Абдоллова С.Н. Проблемы сельского развития в России и новые подходы к их решению // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. Т. 64. № 6 (384). С. 10–16.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 16–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2; EDN JBPLS.
- Стратегические проблемы развития российского села / Отв. за выпуск А.А. Хагуров. М.-Краснодар: Магарин О.Г., 2019.
- Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М.: «Энциклопедия русских деревень», 2004.
- Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В., Чекалин В.С. Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 316–325. DOI: 10.31857/S0869587321040113.
- Фадеева О.П., Нефедкин В.И. Аграрное землепользование в России и в регионах Сибири в условиях цифровой трансформации // Регион: экономика и социология. 2020. № 4 (108). С. 123–150.
- Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйствственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Хагуров А.А. и др. Устойчивое развитие сельских территорий. Институциональные основания устойчивого развития (управление, экономика, экология и социальная сфера как основные факторы устойчивости общества). Краснодар: КубГАУ, 2020.
- Хозяйствование сельской семьи в жизненном пространстве современной деревни / Под ред. П.П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2020.
- Шабанов В.Л. Бедность работающего сельского населения в России: социальный портрет // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 19–24. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.1.
- Шабанов В.Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 4–19. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19. EDN: ММРАТА.
- Шабанов В.Л. Сельская бедность как образ жизни: исследование на базе статистики бюджетов времени // Теория и практика общественного развития. 2023а. № 8. С. 38–43.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4.
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Сельская жизнь российских женщин // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 14–25. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.2.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 9. С. 2–9.
- Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы сельской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 107–118. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.7.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 7. С. 95–118.
- Щетинина И.В., Калугина З.И., Фадеева О.П., Чупин Р.И. Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019.

Статья поступила: 19.09.24. Финальная версия: 10.01.25. Принята к публикации: 24.01.25.

CONTEMPORARY RUSSIAN VILLAGE: CURRENT PROBLEMS AND THEIR REFLECTION IN AGRARIAN SOCIOLOGY

VELIKIY P.P.*[,] VYALSHINA A.A.*[,]

*Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Russia

Petr P. VELIKY, Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher (iagpran@mail.ru); Anna A. VYALSHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Head (anvaly@mail.ru). All – Laboratory of Social Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Territories, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia.

Abstract. The article presents an analysis of the research of agricultural scientists, primarily sociologists, on the state of the social living space in the village over the past decade. The article examines the trends in the self-development of the Russian village and the participation of domestic sociologists in their comprehension. The main idea of considering the development of the agricultural sphere is the recognition of the need for a more fundamental connection: social through economics, economics through social. However, there are still gaps in this: the main participants in the production of agricultural products – skilled physical workers – are not included in collaboration with management in the creative development of innovations and do not have participatory functions. Opportunities for upward mobility and career growth are practically nonexistent for them. The article analyzes innovative concepts, methodological approaches of researchers from the main sociological centers of the country, taking into account an increasingly complex social reality and changes in science itself. The authors offer their own views on the fullness with which sociological thought covers and explain the objective contradictions of the modernization of economic and social and cultural connections and relations in the life of the Russian village at the beginning of the 21st century, as well as the ways of its entry onto the trajectory of movement towards a new level of development. Research of rural realities in their dynamics shows that, despite high economic achievements of the agricultural sector as a whole, the level of income of rural residents remained lower than in the city throughout the post-reform period. Self-employment of rural families is limited by the actions of large and super-large agricultural enterprises. The land concentration in rural families increases the high unemployment. Modernization in the village, displacing excess workers, is not correlated with the creation of new jobs. In this regard, the article shows positive practices described in sociological publications. The main attention is paid to those studies in which these problems are solved in a comprehensive manner. The problem of rural population reproduction is becoming especially urgent. Both material and non-material factors influence the choice of life plans by rural youth. Research shows that rural residents, rooted in the rural way of life and engaged in agricultural production, more often than others orient their children towards work in small-scale agricultural production and living in rural areas. An examination of real subgroups within rural society shows that each of the identified groups is defined in the social and structural sense by a specific combination of features. An employee of an agricultural organization and his colleague, who terminated the employment relationship and became the owner of a commercial private farm perform similar labor operations, but are representatives of different social groups. The actual problems to be solved by organizations responsible for the life of the Russian countryside are related to overcoming the uneven availability of channels for ensuring the economic and social well-being of the rural population. Understanding ways to improve the functioning of the agro-industrial complex and rural life is an interdisciplinary task, relevant for research by economists, geographers, historians, psychologists, and social doctors. But despite the differences in theoretical approaches and methodological features, most scientists agree on one thing: Russian village faces challenges that actualize the need for transition to a new development paradigm.

Keywords: agrarian sociology, living space, economic structures.

REFERENCES

- Bashmachnikov V.F. et al. (2022) *Family-type Farming: Potential, Development Practice*. Moscow: Brain Print. (In Russ.)
- Blinova T.V. (2021) Demographic Aging of Rural Areas of Russia. *APK: E'konomika, upravlenie* [AIC: Economy, management]. No. 2: 76–80. (In Russ.)
- Bezrukova G.A., Shalashova M.L., Spirin V.F. (2020) Modern Trends in the Sanitary and Epidemiological Situation for the Incidence of Occupational Brucellosis. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. No. 99 (8): 785–791. (In Russ.)

- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2017) Regional Practices of Interaction between Business and Government (On the example of the North-West of the Russian Federation). *Krest'yanovedenie* [Peasant Studies]. Vol. 2. No. 1: 115–130. (In Russ.)
- Daily Life of the Russian Village at the Beginning of the XXI century.* (2020) Ed. by P.P. Veliky. Saratov: Publishing House "Saratov source". (In Russ.)
- Danilov A.N., Bezrukova G.A., Novikova T.A., Shalashova M.L. (2019) *Working Conditions and Occupational Morbidity of Agricultural Workers: Modern Medical and Hygienic Aspects and Trends.* Saratov: Amirit. (In Russ.)
- Ildarkhanova Ch.I. (2017) *Modernization of the Russian Village as a Socio-Cultural Phenomenon: Methodological Foundations of Analysis.* *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Series Sociology. Political Science. International Relations]. Vol. 1. Is. 2: 132–140. (In Russ.)
- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. (2020) Agricultural Land Use in Russia and in the Regions of Siberia in the Context of Digital Transformation. *Region: e'konomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. No. 4 (108): 123–150. (In Russ.)
- Fadeeva O.P. (2015) *Rural Communities and Economic Structures: from Survival to Development.* Novosibirsk. (In Russ.)
- Family Farming in the Living Space of a Modern Village.* (2020) Ed. by P.P. Velikiy. Saratov. (In Russ.)
- Gataulina E.A., Uzun V. Ya., Shagaida N.I., Shishkina E.A. (2022) *Agribusiness Holdingization in Russia.* Moscow: Publishing house "Delo" RANEPA. (In Russ.)
- Kalugina Z.I. (2015) *Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: Sociological discourse.* Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Economics, Management and Law SB RAS. (In Russ.)
- Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. (2009) *Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches.* Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Economics, Management and Law SB RAS. (In Russ.)
- Khagurov A.A. et al. (2020) *Sustainable development of Rural Areas. Institutional Foundations of Sustainable Development (Management, Economics, Ecology and Social Sphere as the Main Factors of Social Sustainability).* Krasnodar: KubSAU. (In Russ.)
- Meanings of Rural Life (An Experience of Sociological Analysis).* (2016) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russ.)
- Migration of Rural Youth: the Altai Territory is in Focus.* (2019) Ed. by A.M. Sergienko. Barnaul: Publishing House of the Alt. university. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treyvish A.I. (2015) Urbanization, Deurbanization and Rural-Urban Communities in the Context of Growing Horizontal Mobility. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 60–69. (In Russ.)
- Plyusnin Yu.M. (2022) Informal Economy of the Russian Province. Sources of Resources and Types of Household Fishing Practices. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 3: 58–90. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E.A. (2020) Reverse Migration in the Context of the Pandemic Crisis: Extra-Urban Spaces of Russia as an Adaptation Resource. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 54–64. (In Russ.)
- Poverty in Rural Russia in the Context of Economic Modernization: Processes and Mechanisms of Formation and Overcoming.* (2014) Ed. by A.M. Sergienko. Barnaul: AZBUKA. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2019) Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russ.)
- Serova E.V., Naumov A.S., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Abdolova S.N. (2021) Problems of Rural Development in Russia and New Approaches to their Solution. *Mezhdunarodnyj sel'skoxozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. Vol. 64. No. 6 (384): 10–16. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2023) Poverty of the Working Rural Population in Russia: a Social Portrait. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5: 19–24. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2024) Quality of Life of the Rural Population of Russia: an Integrated Assessment and Regional Differentiation. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 27. No. 1: 4–19. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2023a) Rural Poverty as a Way of Life: A Study Based on Time Budget Statistics. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 8: 38–43. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2022) Rural and Urban Youth: Do Sociocultural Gaps Persist? *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 25. No. 2: 39–51. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Leonidova G.V. (2020) Rural Life of Russian Women. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 23. No. 2: 14–25. (In Russ.)

- Shagaida N.I., Uzun V. Ya. (2018) Development Trends and Main Challenges of the Agricultural Sector of Russia. *Ekonomika sel'skoxozyajstvenny'x i pererabatyvayushhix predpriyatiij* [Economy of agricultural and processing enterprises]. No. 9: 2–9. (In Russ.)
- Shadrikov A.V., Ildarkhanova Ch. I. (2018) Territorial Interests of Rural Youth: The Experience of the Republic of Tatarstan, Altai Krai, the Republic of Mordovia. *Problemy razvitiya territorij* [Problems of territorial development]. No. 6 (98): 107–118. (In Rus.)
- Shkaratan. O.I., Yastrebov G.A. (2007) Identification of Real (Homogeneous) Social Groups in Russian Society: Methods and Results. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics]. No. 3 (7): 95–118. (In Russ.)
- Shchetinina I.V., Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Chupin R.I. (2019) *Food Security of Russia in the Context of Globalization and International Restrictions*. Novosibirsk: IEOPP SB RAS. (In Russ.)
- Sokolova A.A., Kalachikova O.N. (2023) Pendulum Labor Migration in Russia: Scale and Consequences. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 26. No. 3: 16–29. (In Russ.)
- Strategic Problems of Development of the Russian Village*. (2019) Ed. by A.A. Khagurov. Moscow – Krasnodar: Publishing house Magarin O.G. (In Russ.)
- Ushachev I.G., Bondarenko L.V., Chekalin V.S. (2021) Main Directions of Integrated Development of Rural Areas of Russia. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 91. No. 4: 316–325. (In Russ.)
- Uzun V. Ya. (2004) *Large and Small Business in Agriculture of Russia: Adaptation to the Market and Efficiency*. Moscow: Encyclopedia of Russian villages. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2010) Neotkhodnichestvo or Superfluous People of the Russian Village. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 44–49. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2021) Constraints and Challenges in the Life of Beginning Farmers: An Inside Look. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 158–163. (In Russ.)
- Vyalshina A.A. (2016) Employment in the Agro-Industrial Complex: Parental Orientations and Desires of Rural Children. In: *Problems and prospects of Innovative Development of World Agriculture*. Saratov: Saratov State Agrarian University: 60–62. (In Russ.)
- Vyalshina A.A. (2020) Rural Low-Income Families and their Opportunities for Children's Development. *Problemy razvitiya territorii*. [Problems of territorial development]. No. 4 (108): 124–138. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2019) Factors in the Formation of Educational Orientations of Graduates of Rural Schools in the Saratov Region. *Problemy razvitiya territorii*. [Problems of territorial development]. No. 3 (101): 134–151. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2020) Sociological Analysis of Migration Sentiments of Rural School Graduates. *Regionologiya*. [Regionology]. Vol. 28. No. 1 (110): 159–183. (In Russ.)

Received: 19.09.24. Final version: 10.01.25. Accepted: 24.01.25.